

Научная статья
УДК 930.253
doi: 10.17223/19988613/80/10

Епархиальное судопроизводство относительно наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в. (на материалах Тобольской духовной консистории)

Александра Владимировна Спичак

Нижневартровский государственный университет, Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена практика епархиального судопроизводства относительно наказания духовных лиц в Тобольской епархии, исследуется компетенция епархиального суда, правовые основы и особенности его статуса и функционирования. Анализ документов Тобольской духовной консистории обнаруживает зависимость суровости наказания и увеличения сроков исполнения дела от тяжести правонарушений. В целом система судопроизводства Тобольской духовной консистории являлась достаточно мягкой, чтобы перевоспитать клириков, вставших на неверный путь, и помогала отдельным людям, которые еще были способны к исправлению.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Тобольская духовная консистория, должностные проступки, преступления, виды наказаний

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2018) МК-3701.2018.6.

Для цитирования: Спичак А.В. Епархиальное судопроизводство относительно наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в. (на материалах Тобольской духовной консистории) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 94–100. doi: 10.17223/19988613/80/10

Original article

Diocesan legal Proceedings concerning the Punishment of Clergy for Non-Canonical Behavior in the XVIII – early XX centuries (based on the materials of the Tobolsk Spiritual Consistory)

Aleksandra V. Spichak

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation, spichak-89@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze the practice of diocesan proceedings concerning the punishment of clerics in the Tobolsk diocese, to study the competence of the diocesan court, the legal basis and features of its status and functioning.

The article is written on the basis of the Affairs of the Tobolsk Spiritual Consistory (TSC), which are stored in the state budgetary institution of the Tyumen region "state archive in Tobolsk". The sources of the study were the documents of investigative processes on the punishment of clerics of misconduct and crime. A historiographical review on the research topic is presented. The author studied deviation in the behavior of the clergy and the subsequent official sanctions as a measure of influence on the perpetrators. The types of punishments provided in relation to offenders by the Church legislation are listed. The system of diocesan legal proceedings in terms of punishing clergy for non-canonical behavior in the 18th-early 20th centuries is described, in particular, the types of sanctions applied by the Tobolsk spiritual consistory, from the most severe to the mildest. The article presents the most interesting cases that reveal the process of implementation of the judicial functions of the Church. Despite the fact that the decision on the form of punishment was taken by the Bishop, basically each group of offenses corresponded to certain sanctions. The archive contains the units of the investigative Affairs on the appointment of the harshest punishments – deprivation of dignity and exclusion from the spiritual Department. This fact can not undoubtedly indicate that the sanctions are less severe – the reference to the monastery and the transfer to the clergy – were quite effective. From time to time, positive resolutions on applications for return to one's post indicate only isolated cases of «correction». In general, the picture was disappointing – in the state archive

a huge number of cases of excesses of the clergy, novices and abbots of monasteries, Ministers of Church institutions is stored. However, the diocesan authorities actively fought against the non-canonical behavior of their wards, using all the methods permitted by law. In general, the court system of the TSC was soft enough to re-educate clerics who had embarked on the wrong path, but still helped individuals who were still able to correct. This conclusion confirms the hypothesis of the study.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tobolsk spiritual Consistory, official misconduct, crimes, types of punishments

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – Candidates of Sciences (Competition – MK-2018) MK-37.01.2018.6.

For citation: Spichak, A.V. (2022) Diocesan legal Proceedings concerning the Punishment of Clergy for Non-Canonical Behavior in the XVIII – early XX centuries (based on the materials of the Tobolsk Spiritual Consistory). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 94–100. doi: 10.17223/19988613/80/10

Введение

Вопрос о роли епархиального суда в системе церковных наказаний представляет несомненный теоретический интерес, так как позволяет более полно, чем прежде, воссоздать историческую картину формирования институциональных основ Русской Православной Церкви (РПЦ) [1. С. 23]. Одна из особенностей повседневной жизни лиц духовного сословия заключалась в том, что они обязывались контролировать все свои действия и поступки, чтобы соответствовать представлениям населения об идеальном пастыре. Следовать же строгому морально-нравственному канону было под силу далеко не каждому священнослужителю. По этой причине вышестоящее начальство принимало меры для борьбы с «отклоняющимся» поведением священнослужителей [2. С. 44].

Духовное лицо в силу специфики профессии в отличие от простых граждан должно было соответствовать своей социальной роли не только на службе, но и вне ее. Самый незначительный проступок или отклонение от нормы, допущенные священно- и церковнослужителем в быту, трактовались обществом как проявление непрофессионализма [3. С. 63].

Таким образом, изучение епархиального судопроизводства по отношению к духовным лицам в период усиленного государственного контроля над всеми сторонами деятельности РПЦ (XVIII – начало XX в.) является актуальной задачей. Несомненно, важно изучение проблемы в региональном контексте, в частности исследование видов правонарушений и соответствующих наказаний в Tobolskской епархии, являвшейся одной из крупнейших епархий Российской Империи.

Как полагает А.Г. Фот, недостатком церковно-правовой системы оставалось то, что она редко достигала своей конечной цели – перевоспитания нарушителя. Однако епархиальное начальство до последней возможности давало провинившимся шанс исправиться и проявить себя с лучшей стороны [2. С. 51].

По мнению А.В. Скутнева, церковные наказания являлись более мягкими, нежели светские. Без внутреннего раскаяния провинившегося священнослужителя система наказаний РПЦ оказывалась недействительной [3. С. 74–75]. В нашем исследовании выдвигается следующая гипотеза: система судопроизводства в Tobolskской епархии в части наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в.

была достаточно мягкой и способной перевоспитать тех духовных лиц, которые обвинялись в нетяжелых преступлениях и оказывались способными к исправлению.

Выявление материалов по избранной теме велось в ГБУТО ГАТ. Объектом изучения в названном архиве стал фонд 156 «Тобольская духовная консистория». Источниками выполненного исследования стали документы следственных процессов о наказании духовных лиц за проступки и преступления. Были просмотрены 4 описи дел ТДК (№ 1, 8, 16, 18), в общей сложности 6 790 дел за 1730–1918 гг., что позволило судить о неканоническом поведении лиц духовного ведомства. Сохранились лишь единицы документов за первую половину XVIII в. ввиду ряда объективных и субъективных причин. Для определения этапов делопроизводственного процесса следствия над духовенством было изучено 30 дел за указанный период.

Рассмотрение проблемы проводилось на стыке документоведческой, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер исследования. Методы историзма и сравнительно-исторического анализа дали возможность раскрыть особенности наказания духовных лиц за различные виды правонарушений в Tobolskской епархии на протяжении второй половины XVIII – начала XX в. Системный и сравнительно-исторический анализ применялся в целях изучения системы церковного суда и комплекса документации, сопровождавшей процедуру наказания духовенства, что позволило представить целостную картину судебного процесса, осуществляемого ТДК. При исследовании формуляров историков применялся метод формулярного анализа, унификации и стандартизации документов.

Изученность темы исследования

К теме неканонического поведения духовенства обращались многие исследователи, чаще всего изучая систему церковного суда в целом и соотнося его со светским. Так, В.Л. Харламов разделил подсудность духовных лиц духовному и светскому суду по видам проступков и преступлений, выделив, какие дела были изъяты из ведения мировых судей, с указанием статей законов [4].

Компетенцию епархиального начальства в сфере судопроизводства, а также виды и специфику наказаний духовных лиц (в основном ссылки в монастырь) изу-

чил А.Р. Павлушков [1]. Е.С. Матвеева рассмотрела изменения во взаимоотношениях светской и духовной власти в России во второй половине XIX в., которые повлияли на развитие церковного судопроизводства, уделив особое внимание законодательному регулированию наказаний духовных лиц светским уголовным судом за преступления [5]. Исследовательница связывает высокий уровень правонарушений до создания сети духовных учебных заведений Александром I с низким уровнем образования клириков [6].

Представления исследователей о характере системы церковного суда очень различны. Например, А.Р. Павлушков подчеркнул несовершенство церковной системы наказания в XVIII–XIX вв., в частности расплывчатый характер судебных решений и зависимость от государственной карательной системы [1]. А.В. Скутнев и А.Г. Фот пришли к выводу, что церковное судопроизводство во второй половине XIX – начале XX в. оставалось архаичным [2. С. 45]. С такими заключениями не согласна Е.С. Матвеева, которая отмечает, что церковно-судебный процесс, который сложился в Российской империи в первой половине XIX в., был достаточно основательным и детально проработанным, а также быстрым и действенным [5. С. 260]. Разницу во мнениях можно объяснить тем, что названные ученые рассматривали только определенные аспекты церковного суда: например, А.Р. Павлушков – в основном ссылку в монастырь (за проступки), а Е.С. Матвеева – уголовный суд за преступления.

В зарубежной историографии наиболее фундаментальные работы по истории жизнедеятельности российского духовенства XVIII–XX вв. принадлежат американскому историку Г.Л. Фризу [7. Р. 450–480].

Многие исследования по избранной теме базируются на региональных материалах. Например, А.В. Скутнев проанализировал особенности неканонического поведения приходского духовенства Вятской епархии [3], А.Г. Фот рассмотрела дела Оренбургской духовной консистории о наказаниях духовных лиц [2], Б.А. Ершов изучил полномочия церковных судов в губерниях центрального Черноземья в XIX в. [8]. При этом и Б.А. Ершов, и В.Л. Харламов подчеркивают корпоративный характер церковных судов в отношении духовных лиц.

Однако до сих пор исследователями не были привлечены материалы Тобольской епархии в качестве источниковой базы изучения видов правонарушений и наказаний духовенства в синодальный период (1700–1917). Следует отметить, что практически вся историография представлена работами, имеющими правовую специфику. С точки зрения документоведения данная тема не рассматривалась. Специфика делопроизводства ТДК в части наказания духовенства остается неизученной.

Результаты

Впервые определенный судебный порядок в разбирательстве противоправных деяний духовных лиц упоминается в Святом Евангелии от Матфея: открытому церковному суду должно предшествовать брат-

ское предупреждение, которое должно было повлиять на поведение провинившегося, склонить его к раскаянию и самоосуждению и тем самым восстановить определенную гармонию внутри церкви [6. С. 50].

Местный духовный суд сосредоточивался в консистории и проводился под непосредственным руководством епархиального архиерея. Сфера его деятельности была ограничена пределами епархии и касалась в основном лиц духовного звания. В XVIII в. Святейший Правительствующий Синод (далее – Синод) выдавал архимандритам инструкции, четко определявшие их правовой статус. Преосвященный контролировал исполнение духовными лицами обязанностей в соответствии с Духовным Регламентом, принимал челобитные с жалобами на духовных лиц и вел по ним расследования, наказывал правонарушителей [1. С. 24].

Помимо инструкций, предназначенных для расследования дел исключительно в отношении духовенства, Синодом издавались судебные инструкции, которые значительно расширяли полномочия архимандритов. Инструкции предусматривали возможность наложения наказания на священно- и церковнослужителей в следующих случаях: пьянство, бродяжничество, самовольные отлучки, нарушение в одежде, причинение шума в церкви и на улице, участие в кулачных боях, посещение кабаков, сон на улице в пьяном виде, участие в ссорах и «обидах» с населением. Инструкция давала право архимандриту самостоятельно устанавливать форму наказания за вышеуказанные правонарушения [Там же].

Церковное законодательство предусматривало по отношению к правонарушителям следующие наказания: 1) лишение священнослужителей сана с исключением из духовного ведомства; 2) лишение священнослужителей сана с оставлением в духовном ведомстве на низших должностях; 3) временное запрещение в священнослужении с отрешением от должности и с определением в причетники; 4) временное запрещение в священнослужении без отрешения от места, но с возложением епитимии в монастыре или на месте; 5) временное испытание в архиерейском доме и монастыре; 6) отрешение от места; 7) исключение за штат; 8) усугубление надзора; 9) пеня и денежное взыскание; 10) поклоны; 11) строгий и простой выговор; 12) замечание [9. С. 35–36].

Рассмотрим более подробно систему епархиального судопроизводства в части наказания духовных лиц за неканоническое поведение в XVIII – начале XX в., в частности виды санкций, применяемых ТДК. Категории наказаний будут расположены от самого сурового до наиболее мягкого.

Самая суровая мера наказания в практике Русской православной церкви – лишение сана с исключением из духовного звания – применялась крайне редко. Как правило, так поступали по суду в отношении представителей духовного сословия, совершивших уголовные преступления. Такому же наказанию подвергались отступившие от РПЦ в ересь или раскол. В тех случаях, когда, испробовав все имевшиеся в их арсенале средства, церковные иерархи полностью утрачивали веру в возможность исправления своего собрата, они

имели право исключить его из своих рядов [2. С. 47]. Вся система церковного судопроизводства была построена так, чтобы защитить духовное лицо от светского суда. Однако исключить из духовного ведомства могли и церковнослужителя, на которого не действовали другие меры. Так, дьячка березовской Воскресенской церкви Тимофея Мисюрева, «который обращаясь во всегдашнем пьянстве к исправлению своего поведения и должности совершенно безнадёжен; ибо он, Мисюрев, напротив сего хотя и двукратно находился в монастырском исправлении, за таковые же проступки, но в поведении своем не оказал никакой перемены», 14 февраля 1821 г. преосвященный велел отрешить от должности по духовному ведомству и «отослать в светское ведомство для избрания рода жизни» [10. Оп. 9. Д. 384. Л. 1–3].

Согласно «Книге правил святых апостол, святых Соборов вселенских и поместных святых отец», духовным лицам предписывалось придерживаться 27-го и 42-го Апостольских правил и не совершать неблагочинных поступков, «тяжких по своему существу и вредных по соблазну». Правила святых апостолов превратились в церковный закон, 27-е правило (1 Петр. 2, 23) указывало на наказание духовных лиц за биение «...верных согрешающих или неверных обидевших...», а 42-е правило закрепляло наказание духовных лиц за игру и пьянство [11. С. 10]. При этом составлялись двойные правила: по некоторым преступлениям, с особенными обстоятельствами, применялись постепенные меры наказания, а для более тяжких проступков содержались предписания к немедленному и неослабному действию правосудия. Если священник, диакон или причетник, нарушая 27-е и 42-е Апостольские правила, во время церковного священнослужения били рукой или орудием кого-либо, неблагочинными словами или действиями вызывали замешательство или остановку в священнослужении, то они отчислялись из своего чина, исключались из духовного ведомства, а также направлялись на рассмотрение светского начальства с предписанием о его преступлении (1-е и 2-е Правила Высочайшего указа от 22 декабря 1822 г.). Эти наказания признавались самыми суровыми [6. С. 51]. Священник Николаевской церкви с. Бачатского Алексеей Тюменцов обвинялся в краже денег и вещей у дьячка Архангельской церкви с. Легостаевского Осипа Хмылева, пьянстве, пропуске церковной службы, непристойном поведении и даже прелюбодействе, за что 21 июля 1773 г. Синод лишил его священства с отправкой «в светскую команду» [10. Оп. 3. Д. 162. Л. 1 а–26].

Если лица обличались вторично в содеянных проступках, то их освобождали из духовного чина и направляли в гражданское ведомство для избрания для них нового рода деятельности в жизни (4-е Правило). Причетников в первый раз могли сослать в монастырь, а вторичное нарушение Правил влекло также исключение из духовного сословия (5-е Правило) [6. С. 51]. Суровым наказанием за пьянство для духовных лиц было увольнение в военную службу, причем такой санкции подвергались исключительно церковнослужители. Вот пример: дьячка Нижне-Сузунской Вознесенской церкви Андрея Протопопова, который «часто-

временно будучи пьян, не только непристойною и скверною матерною бранью его трапезника ругает, но и неоднократно в церкви... у священникова дому бил его безвинно по щекам, и угрожает...», отправили в 1773 г. в военную службу – солдатом в тобольский третий батальон. Однако спустя 5 лет А. Протопопов подал преосвященному прошение об определении его дьячком к вновь строящейся церкви в Лебяжьей слободе Ялutorовского заказа. Просьбу удовлетворили, была взята подписка, что он будет служить «честно и трезво» под опасением лишения места. Таким образом, данное наказание, хотя и было самым суровым, могло носить временный характер.

Следует отметить, что в Тобольском архиве находится очень мало дел, подтверждающих исключение священнослужителей из духовного ведомства, поэтому можно заключить, что они все же вставали на путь исправления и не были замечены в совершении преступления более трех раз.

Наиболее распространенными видами наказаний во второй половине XIX – начале XX вв. стали штрафы и временное запрещение священнослужения с определением в причетники либо с отсылкой в монастырь (либо архиерейский дом) [3]. В результате провинившиеся представители духовного сословия оказывались под надзором настоятеля, если попадали в монастырь, либо самого епископа, когда местом пребывания был определен архиерейский дом, и тогда уже сами настоятель или епископ следили за исправлением наказуемого [2. С. 45]. Запрещение священнослужения началось и за ложное обвинение (например, в пьянстве) [10. Оп. 3. Д. 2663. Л. 1–20].

Существовали и не столь тяжкие проступки, которые влекли за собой менее серьезные или постепенные наказания. Например, если священник или диакон в церковном облачении в церкви или вне ее начинал совершать богослужение в нетрезвом виде, то для первого раза он освобождал занимаемое место с переводом в причетники, ему запрещалось вести священнослужение до искреннего раскаяния и покаяния (3-е Правило Высочайшего указа от 22 декабря 1822 г.) [6. С. 51]. Запрещение священнослужения и определение в причетники применялось в Тобольской епархии редко. За невоздержание березовского священника Петра Словоцова наказали запретом на проведение треб сроком на полгода; дважды в неделю ему следовало читать с поклонами апостол и евангелие, соблюдать посты, а по окончании срока наказания обязать его подпиской, чтобы он впредь содержал себя в трезвости. Однако за идентичные проступки могли применить и другую санкцию. Священник березовской Воскресенской церкви Андрей Москвитин за проведение церковной службы в пьяном виде и справление в ней нужды в 1770 г. был сослан на год в Кондинский монастырь; при повторении проступка этого священника угрожали оштрафовать. Таким образом, решение епархиального начальства в данном случае не соответствовало принятой системе наказаний [10. Оп. 2. Д. 2358. Л. 1–32]. В монастырь «в труды», «на хлеб и воду» «для вытрезвления» могли сослать на конкретный срок: на две недели, один месяц, шесть недель, три месяца и даже на

полгода; срок определяла ТДК, исходя из тяжести провинности.

Священнослужителя могли перевести в другой приход, если этого хотели прихожане (они высказывали свое желание в документе под названием «одобрение»). Так, священника Иоаннобогословской церкви с. Вагайского Филлипа Фокина 3 октября 1811 г. ТДК приказала оштрафовать и перевести в Николаевскую церковь с. Антроповского Тюменского ведомства на вакантное место дьякона с внушением, что «сие снисхождение делается ему в последний раз» за «бесчисленные поступки и опущения по должности». Дьякон получил довольно мягкое наказание, вероятно, потому, что ни начальство, ни прихожане не нашли в его действиях грубых правонарушений [10. Оп. 7. Д. 161. Л. 1 а–27].

Церковное законодательство не менялось и в той части, которая касалась наказаний. Самой легкой воспитательной мерой было замечание (выговор). Оно назначалось за относительно легкие должностные проступки (ложный донос, выдача неправильного метрического свидетельства) [2. С. 45]. В Тобольской епархии выговор получали за произнесение «богопротивных» слов, строительство дома и бани около церквей без разрешения прихожан, «беспорядки, чинимые в церкви», самовольные отлучки и др. Благочинные получали выговор за сокрытие от начальства проступков своих подчиненных (например, пьянства) [10. Оп. 10. Д. 629. Л. 1–13]. Штрафы применялись в основном за неисполнение или неправильное выполнение должностных обязанностей, чаще всего они были связаны с бракосочетанием, например за венчание малолетних, раскольников, лиц, находящихся в родстве, из чужих приходов, реже за «показание» не бывших на исповеди прихожан присутствовавшими, растрату церковных денег, за несоблюдение чистоты в храме и т.д. Размеры штрафа были различными, но, как правило, не превышали 10 руб. (за участие в венчании малолетнего, за совершение венчания без соблюдения «предбрачных предосторожностей») [2. С. 45].

Часто на духовных лиц доносили благочинные под опасением выговора. Данная практика вменялась им в обязанность указом Синода от 1820 г. Березовский благочинный протоиерей Иоанн Вергунов подал рапорт архиепископу Амвросию (Келембету) 31 января 1821 г. на подведомственного ему дьячка, не справляющегося со своими должностными обязанностями [10. Оп. 9. Д. 384. Л. 1–3].

Если епархиальное начальство видело покаяние и исправление духовного лица, то оно могло вновь определить его на прежние место и должность, но с тщательным испытанием. Испытательное место службы должно было находиться под бдительным присмотром благочинного, протоиерея или надежного священника (10-е Правило). Именно они получали одобрение у прихожан и утверждали после испытательного срока духовное лицо в должности и месте [6. С. 52–53]. Данная практика находит подтверждение и в делах ТДК. Так, священник Христорождественской церкви Сосьвинской волости Матвей Кокоулин, отбыв за пьянство и «непристойные званию своему бесчи-

ния, по улицам и в базаре крики с немалым соблазном народу» в монастырских трудах в Троицком монастыре полгода (ноябрь 1781 – июль 1782 г.), попросил архиепископа Варлаама I вернуть его из монастыря в свою церковь для обеспечения жены и малолетних детей. Преосвященный 26 февраля 1783 г. решил определить М. Кокоулина в причт березовской соборной церкви. Церковь была выбрана из-за близкого расположения к Березовскому духовному правлению, где «от шалостей и пьянства удерживать его лучше можно». Однако при повторном уличении священника в пьянстве его ждало запрещение священнослужения [10. Оп. 3. Д. 2269. Л. 1–22].

В Тобольской епархии самым распространенным пороком в духовной среде было пьянство, а неизменным спутником пристрастия к алкоголю – недостойное поведение. В духовную консисторию со всех сторон поступали жалобы на священников, которые недостойно вели себя в нетрезвом виде. В ГБУТО ГАТ теме пьянства посвящено 673 дела ТДК за 1749–1893 гг.

Употребление спиртных напитков пагубно отражалось на исполнении служебных обязанностей. Согласно архивным материалам, пьянству сопутствовали «несправление со своими обязанностями», «нерачительство к церкви»¹, исправление треб без причетника, пропуск служения в воскресные, праздничные и высокопраздничные дни (например, в Великую четыредесятницу), «не исправление мирских треб», сквернословие, самовольные отлучки, кражи, присвоение казенных денег, потери церковного имущества, утайка кружечных денег, посещение «подозрительных домов», распутство, прелюбодеяние, оскорбление, ссоры с прихожанами, «буйное поведение», рукоприкладство (включая драки в церкви, избивание благочинных, родителей, жен и детей, чужих жен), «покушение» на родственников, иногда ложные доносы на коллег и даже попытки самоубийства и «подозрение в мужеложестве», а также другие проступки.

В ряде дел о пьянстве духовных лиц их также обвиняют в провинностях, которые могли и не быть следствием пьянства, а отражать халатное отношение к своим обязанностям, склад характера и т.д. К таким проступкам относятся взяточничество, разрешение венчания в родстве, «неправильное венчание», устройство беспорядка в церкви при венчании, некрещение младенцев, непомазание миром младенцев, неисправление церковных документов (духовных росписей), утаивание не бывших у исповеди прихожан, крещение детей раскольников, игра в карты.

Нередко сами прихожане и народные традиции провоцировали священнослужителей на пьянство. Во время престольных праздников священнослужители по традиции совершали молебны в домах прихожан. Крестьяне основательно готовились к приему гостей: закупали вино, варили пиво и брагу, готовили угощение. При обходе почти в каждом доме священнику и его спутникам подавали рюмочку. По воспоминаниям самих священнослужителей, «неосторожному в употреблении водки невозможно было выходить целый день трезвым, хотя бы то был молодой и крепкий человек» [3. С. 64].

Часты были драки и взаимные оскорбления духовных лиц. Священника Спасской церкви Шаркальской волости Березовского заезда Алексея Оловянного за причинение увечий нескольким людям в 1774 г. сослали в монастырь, вначале на два месяца. Помимо этого, он был замечен и «в неотправлении службы божественной в праздничные и в воскресные дни, в неотправлении панихид месячных по напечатанному реестру» и в пьянстве. Скорее всего, алкогольное пристрастие и было виной всех его правонарушений [10. Оп. 3. Д. 305. Л. 1–44]. Священно- и церковнослужители избивали членов своих семей, сослуживцев и прихожан, а также дрались между собой.

Крайне редко, но такое все же случалось, священно- и церковнослужителей судили за развратные действия, к которым относились прелюбодеяние, двоеженство и т.д. Интересно, что в обнаруженных нами делах наблюдается следующая тенденция: священнослужители обвинялись в прелюбодеянии, а церковнослужители – в двоеженстве, что также подтверждает «Дело по указу Тобольской духовной консистории о присылке сведений об имеющихся в заездах дьячках и пономарях двоеженцах» 1760 г. [Там же. Оп. 1. Д. 2937. Л. 1–19]. Так, в 1759 г. священник с. Шкотского Ялutorовского дистрикта Симеон Чемесов обвинялся в прелюбодеянии [Там же. Д. 2611. Л. 1–16]. В 1751 г. в двоеженстве был замечен дьячок Барнаульского заезда Белоярской слободы Иван Гордеев [Там же. Д. 830. Л. 1–20]. Как правило, в таких случаях понижали в должности; например, В. Сафьянова перевели на должность сторожа. Правда, из этого правила встречаются исключения: так, в 1817 г. дьячка Уковского заезда Ялutorовского ведомства Тутолмина отправили в Ялutorовский уездной суд за «растление» им дочери священника Корнильева [Там же. Оп. 8. Д. 86. Л. 1–6].

С алкоголем и другими вредными привычками будущие пастыри знакомились чаще всего в подростковом возрасте – в годы обучения в духовном училище и семинарии. Отсутствие опытных воспитателей, которые могли бы помочь семинаристам организовать досуг соответственно религиозному образу жизни, приводило к весьма плачевным последствиям. В свободное от учебы время семинаристы фактически были предоставлены сами себе. Некоторые семинаристы даже занимались воровством [3. С. 67]. Начав профессиональную деятельность, духовные лица могли продолжать воровать. Так, подьячий ТДК Андрей Богданов украл в 1747 г. у сержанта Михаила Попцова «оловянное блюдо и прочее» [10. Оп. 1. Д. 259. Л. 1–4]. Пономарь Крестовоздвиженской церкви села Бешметова Иван Силин украл у жены казака Южинцевой деньги и вещи [Там же. Оп. 8. Д. 257. Л. 1–24].

Внеклассный надзор осуществляли, как правило, ученики старших классов, что привело к такому страшному пороку бурсы, как дедовщина. Рукоприкладство было также характерно для нравов духовной школы. И именно там, в стенах училища и семинарии, будущие священнослужители учились «распускать руки». Во-первых, в самом процессе обучения применялись телесные наказания: учащихся поролли розгами

и ставили на колени. Во-вторых, ученики сами нередко пускали в ход кулаки [3. С. 67–68].

Выйдя из стен учебного заведения, некоторые клирики могли себе позволить такое несоответствующее их должности поведение. Священники обвинялись в домашнем насилии: например, барнаульский священник Евтифеев в 1818 г. избил свою жену [10. Оп. 8. Д. 935. Л. 1–5]. Это приводило иногда к трагичным последствиям. Так, томский священник Петр Дулепов в 1757 г. ранил свою жену [Там же. Оп. 1. Д. 2366. Л. 1–40]. Еще больше шокируют дела ТДК об убийствах священно- и церковнослужителями как других членов причта, так и прихожан (обнаружено 5 подобных дел). Конечно, в этих случаях они предавались светскому суду и исключались из духовного ведомства.

Таким образом, несмотря на то что решение о виде наказания принимал архиерей, в основном каждой группе правонарушений соответствовали определенные санкции. Исключением из данного правила является пьянство, так как наказание в этом случае зависело от тяжести сопутствующих проступков. Как показывают документы ГБУТО ГАТ, за пьянство запрещали священнослужение, понижали или увольняли от должности, ссылали в монастырь «в труды», служителей монастыря (игуменов, послушников, иеромонахов) переводили в другой монастырь, в другую церковь или, значительно реже, в Тобольский архиерейский дом, тоже «в труды». Если пьянство не отягощалось другими должностными преступлениями, в лучшем случае могли перевести в другую церковь, однако чаще всего ссылали в монастырь.

Заключение

Самым частым проступком в Тобольской епархии было пьянство, точнее, то поведение, которое служило его следствием и не соответствовало образу жизни духовного сословия. В архиве сохранились единицы следственных дел о назначении самых суровых наказаний – лишения сана и исключения из духовного ведомства. Данный факт не может бесспорно указывать на то, что санкции менее тяжелые – ссылка в монастырь и перевод в причетники – были достаточно действенными. Периодически встречаемые положительные резолюции на прошения о возвращении на свое должностное место свидетельствуют лишь об отдельных случаях «исправления».

В целом картина была неутешительной – в ГБУТО ГАТ находится на хранении огромное количество дел о бесчинстве священно- и церковнослужителей, послушников и настоятелей монастырей, служителей церковных учреждений. Однако епархиальное начальство активно боролось с неканоническим поведением своих подопечных, применяя все разрешенные законодательством способы. В целом система судопроизводства ТДК была достаточно мягкой, чтобы перевоспитать клириков, вставших на неверный путь, но все же помогала отдельным людям, которые еще оказывались способными к исправлению. Данный вывод подтверждает гипотезу исследования.

Примечание

¹ Рачительность (др. рус. – радение) – всегда добровольное служение идее и людям, старательное выполнение любого дела, это положительное духовно-нравственное качество личности, проявляющееся как забота о сохранении чего-то или стремление к установлению порядка, а также усердное служение и выполнение своего долга.

Список источников

1. Павлушков А.Р. Епархиальное судопроизводство в практике применения церковного наказания XVIII–XIX веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 23–31.
2. Фот А.Г. Неканоническое поведение и ответные санкции в среде православного приходского духовенства (на материалах Оренбургской епархии) // Приволжский научный вестник. 2014. № 9 (37). С. 44–51.
3. Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 63–77.
4. Харламов В.Л. Компетенция церковных судов Российской Империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Право. 2003. № 1 (5). С. 118–129.
5. Матвеева Е.С. Изменения в церковном судопроизводстве по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России, во II половине XIX века // Среднерусский вестник общественных наук. История и современность. 2014. № 2. С. 257–263.
6. Матвеева Е.С. Особенности церковного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых духовными лицами в России в первой половине XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 49–55.
7. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton : Princeton University, 1983. 546 p.
8. Ершов Б.А. Компетенция церковных судов в губерниях центрального Черноземья в XIX веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2011. Т. 7, № 2. С. 58–61.
9. Руководство для производства дознаний и следствий по делам о проступках священно-церковно-служителей и Справочная книжка по предметам церковно-епархиального суда / сост. П. Колыбалов, столонач. Екатеринбургской духовной консистории. Екатеринбург : Тип. Ершова, 1914. 213 с.
10. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ТБУТО ГАТ). Ф. 156.
11. Матвеева Е.С. Правила церковного судопроизводства по делам о преступлениях в церкви, совершаемых духовными лицами в России в I половине XIX века // Юридические записки. 2013. № 2. С. 9–16.

References

1. Pavlushkov, A.R. (2013) Eparkhial'noe sudoproizvodstvo v praktike primeneniya tserkovnogo nakazaniya XVIII–XIX vekov [Diocesan legal proceedings in the practice of applying church punishment in the 18th–19th centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1. pp. 23–31.
2. Fot, A.G. (2014) Nekanonicheskoe povedenie i otnetnye sanktsii v srede pravoslavno prikhodskogo dukhovenstva (na materialakh Orenburgskoy eparkhii) [Non-canonical behavior and retaliatory sanctions among the Orthodox parish clergy (on the materials of the Orenburg diocese)]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*. 9(37). pp. 44–51.
3. Skutnev, A.V. (2007) Prikhodskoe dukhovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanonicheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Parish clergy: peculiarities of mentality and non-canonical behavior (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novyy istoricheskyy vestnik*. 16. pp. 63–77.
4. Kharlamov, V.L. (2003) Kompetentsiya tserkovnykh sudov Rossiyskoy Imperii v kontse XIX – nachale XX veka [The competence of the church courts of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*. 1(5). pp. 118–129.
5. Matveeva, E.S. (2014) Izmeneniya v tserkovnom sudoproizvodstve po delam o prestupleniyakh, sovershaemykh dukhovnymi litsami v Rossii, vo II polovine XIX veka [Changes in church legal proceedings in cases of crimes committed by clerics in Russia in the second half of the 19th century]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. Istoriya i sovremennost'*. 2. pp. 257–263.
6. Matveeva, E.S. (2012) Osobennosti tserkovnogo sudoproizvodstva po delam o prestupleniyakh, sovershaemykh dukhovnymi litsami v Rossii v pervoy polovine XIX veka [Peculiarities of church legal proceedings in cases of crimes committed by clerics in Russia in the first half of the 19th century]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 4. pp. 49–55.
7. Freeze, G.L. (1983) *The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University.
8. Ershov, B.A. (2011) Kompetentsiya tserkovnykh sudov v guberniyakh tsentral'nogo Chernozem'ya v XIX veke [The competence of church courts in the provinces of the central Chernozem region in the 19th century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 7(2). pp. 58–61.
9. Kolybalov, P. (1914) *Rukovodstvo dlya proizvodstva doznaniy i sledstviy po delam o prostupkakh svyashchenno-tserkovno-sluzhiteley i Spravochnaya knizhka po predmetam tserkovno-eparkhial'nogo suda* [Guidelines for the production of inquiries and investigations in cases of misconduct of the sacred church servants and a reference book on the subjects of the church diocesan court]. Ekaterinburg: Tip. Ershova.
10. The State Archive in Tobolsk (TBUTO GAT). Fund 156.
11. Matveeva, E.S. (2013) Pravila tserkovnogo sudoproizvodstva po delam o prestupleniyakh v tserkvi, sovershaemykh dukhovnymi litsami v Rossii v I polovine XIX veka [Rules of ecclesiastical legal proceedings in cases of crimes in the church committed by clerics in Russia in the first half of the 19th century]. *Yuridicheskie zapiski*. 2. pp. 9–16.

Сведения об авторе:

Спичак Александра Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: spichak-89@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Spichak Aleksandra V. – candidate of historical sciences, senior lecturer of the Department of Documentation and General History Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: spichak-89@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.09.2018; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 14.09.2018; accepted for publication 11.11.2022